

МУХАМ ХРҲЫБАШЕВ

Михаил Арцыбашев

Под солнцем

Что было, то и будет, что делалось, то и будет делаться, — и нет ничего нового под солнцем.
Екклесиаст 1.9

I

РЕДКАЯ НАХОДКА

Кровавая полоса заката охватила черный горизонт. Дул сильный тягучий ветер и гнал на берег нарастающие волны. Они рождались где-то далеко, в необозримых просторах океана, и бесконечными рядами, упорно и грозно шли на землю. Издали они казались сплошной черной грядой, приближаясь к берегу, росли, подымались, мрачно сверкали кровавыми отблесками заката и с грохотом обрушивались, разорванным грязным кружевом пены бессильно всползая на голый песок. Потом тысячами струек, с жалобным ропотом и плеском, торопливо убежали назад.

Насколько мог охватить глаз, в обе стороны тянулась гладкая отмель, окаймленная кучами гниющих водорослей. За береговой полосой начинались невысокие бугры, покрытые цепкой, ползучей зеленью и редким кустарником, отчаянно борющимся с ветром. Дальше шли пустынные поля, тусклые болота и дикие леса, сливаясь в быстро темнеющую мутную даль. Наступала ночь.

На одном из холмов показался человек. На его грязном лице, обросшем косматой рыжей бородой, при свете заката блестели острые, зоркие глазки. Руки были длинные, ноги короткие, с плоскими ступнями, сквозь растопыренные пальцы которых выдавливался мокрый песок. Он был одет в невероятные лохмотья, и на плечах у него болталось что-то похожее на кусок старого, рваного одеяла. В руках была длинная дубина.

Поднявшись на вершину холма, он остановился, как бы пораженный блеском неба и непрерывным движением океана. Потом нерешительно шевельнулся и, глубоко взрывая песок, спустился с холма на отмель.

Он долго шел вдоль каймы водорослей, тяжело шагая, низко опустив голову и зорко вглядываясь в кучи морских отбросов. Местами он даже раскапывал эти кучки концом своей длинной палки, но там ничего не было, кроме раковин да кусков источенного временем и волнами, почерневшего дерева. Иногда попадались камни, скорлупа краба, дохлая рыба или чьи-то побелевшие от соленой воды кости.

Человек внимательно разглядывал эти осколки времени, потом шел дальше, и глубокие следы его ног тянулись за ним по гладкому, смытому волнами, береговому песку.

Один раз он быстро нагнулся, что-то поднял, посмотрел и после некоторого раздумья бросил

обратно в мягкую кучу водорослей. Это был кусок смятой, позеленевшей медной трубки, плотно забитой мокрым песком. На одном конце ее сохранилось маленькое, выпуклое стеклышко, потускневшее и треснутое. Она ни на что не годилась.

Но вот палка стукнулась о что-то тяжелое и твердое. Человек торопливо вскопал палкой слой вязкой тины, и что-то гладкое, блестящее отразило на себе пламя заката. Человек опустился на колени, положил палку и жадно схватил находку, облепленную песком и опутанную морскими травами. Обеими руками очистив найденный предмет, он долго рассматривал его, поглаживая и разглядывая на свет, причем на его тупом, диком лице появилось выражение смутного и жадного любопытства.

Это была большая неуклюжая бутылка зеленого стекла, которое от времени и воды стало мутно и черно.

Горлышко ее было плотно закупорено, засмолено и закручено заржавелой проволокой. Внутри виднелось что-то темное.

Человек пугливо оглянулся, торопливо сунул находку за пазуху, схватил палку и, быстро повернув к берегу, побежал прочь. Через минуту он уже был на вершине одного из холмов и, мелькнув среди кустарников, скрылся по ту сторону.

На отмели остались разбросанные кучи водорослей да глубоко взрытый след на гладком песке беспокойно отмечал длинный, одинокий путь.

Полоса заката потемнела. Тучи опустились ниже, как бы торопясь задавить последние отблески света. Море все так же шумело и неустанно шло на берег, но на волнах уже не видно было прежних огненных бликов: они стали темны и туманны. В сумраке едва можно было различать белую пену, полосой вспыхнувшую вдоль отмели. Ночь наступила.

А человек шел все дальше от берега, направляясь к черневшему вдали лесу. На пути ему пришлось перевалить через осыпавшуюся, но все же высокую насыпь, идущую через поля и леса неизвестно куда и откуда. Когда человек поднялся на ее вершину, его палка, которую он волочил за собою, два раза подпрыгнула, стукнувшись о какие-то бесконечные металлические полосы. Они шли по насыпи, местами покрытые землей и сплошь заросшие травой и бурьяном. Человек давно привык к ним и не обратил на них никакого внимания. Он спустился с насыпи и направился дальше, к лесу.

Под деревьями было уже совсем темно. Лохматые ели, с мшистыми серыми стволами совсем перепутались своими мохнатыми лапами. Кое-где тускло поблескивала вода и пахло болотом. В стороне что-то тяжело плюхнулось в воду. Человек дрогнул и остановился, крепче сжав свою дубину.

Впрочем, в сыром мраке скоро потянуло смолистым дымком, и на ближайших стволах показались красные отсветы. Хрипло залаяла и сейчас же смолкла собака. Свет стал ярче, и стволы деревьев выступили из мрака, как черные колонны. Между ними шевельнулось что-то живое. Это была собака. Она стояла на опушке небольшой поляны, насторожив острые уши и махая лохматым хвостом.

Посреди поляны, у какой-то каменной развалины, обросшей мхом, бурьяном и даже небольшими деревьями, ярко горел костер, перед которым сидело несколько человеческих фигур, повернувших головы в ту сторону, откуда раздавался шум. Человек шел прямо на огонь, и собака бежала за ним, махая хвостом и повизгивая.

— Это он! — сказал от огня дребезжащий старческий голос. — Это он, я знаю...

Человек подошел к костру, опустил на землю дубину и сел, вытянув к огню черные грубые

руки с короткими, узловатыми пальцами. Люди, сидевшие у костра, смотрели на него и молчали.

Их было четверо: один мужчина, две женщины и ребенок.

Мужчина был худ и стар, очень стар. Одна из женщин была костлявая старуха с седыми беспорядочными космами, другая — молодая и красивая, как сон. У нее были черные волосы, буйно вьющиеся, несмотря на грязь и сор, запутавшийся в них. Когда она наклонялась к ребенку, лежавшему в куче отрепьев у нее на коленях, непослушные кудри падали ей на лицо, а когда она подымала голову, блестели ее большие миндалевидные глаза. У нее были капризно изогнутые губы и тонкий, с горбинкой, нос. Сквозь прорехи ее лохмотьев светилось белое и розовое тело. Она была очень красива и молода, но в чертах ее лица чудилось что-то древнее и скорбное, хотя она и улыбнулась, когда подошел человек с дубиной.

— Ну? — спросила старуха, жадно глядя то на руки, то на лицо мужчины.

Человек с дубиной ответил не сразу, отогревая застывшие пальцы, потом сунул за пазуху и вытащил свою находку.

Радостное движение прошло по маленькой группе у костра. — Кудрявая черноволосая женщина всплеснула руками и засмеялась.

Старик, весь дрожа от жадности, протянул к находке костлявые пальцы, похожие на когти хищной птицы, но рыжий мужчина сердито отдернул свое сокровище. Старик опустил руку и обиженно запахнулся в свои лохмотья.

— Я знаю, это бутылка... — с притворным пренебрежением сказал он.

— Ты все знаешь! — насмешливо возразил обладатель бутылки, не спуская с нее восторженных глаз.

— Дай! — попросила молодая женщина и тоже протянула руку. В ее немного гортанном, но все-таки нежном голосе было что-то лукавое, как будто она знала, что ей нельзя отказать, когда она просит. Большие глаза ее блистали детским любопытством.

Мужчина засмеялся.

— Подожди, — сказал он, — там что-то есть.

Пока он концом палки осторожно отбивал смолу и отворачивал легко ломавшуюся, проржавевшую проволоку, три человеческих лица с нетерпением тянулись к нему.

Мужчина вытер большим пальцем открытое горлышко бутылки и, перевернув ее, сильно встряхнул. Но ему не удалось встряхнуть ничего. Тогда он поднял обугленную тоненькую палочку от костра и всунул ее внутрь.

— Дай, я... — сказал старик.

Но рыжий не обратил на него никакого внимания. Ему уже удалось захватить край чего-то белого и, осторожно перехватывая пальцами, он старался вытащить все.

— Бумага, — разочарованно заметил старик и покачал головой.

Еще несколько усилий — и рыжему удалось вытащить содержимое бутылки.

Это действительно была бумага: довольно толстая тетрадь, чуть отсыревшая, но совсем не попорченная. Мужчина оглядел ее со всех сторон и небрежно бросил на землю, обратив все

свое внимание на бутылку. Теперь она была пуста и прозрачна. Мужчина подул в нее, посмотрел и с торжеством передал в руки молодой женщине, давно уже нетерпеливо тянувшейся к нему.

— Это хорошо для воды, — сказал он. Женщина посмотрела сквозь стекло на огонь, потом на мужа и засмеялась.

— Все зеленые! — сказала она. — А я тоже зеленая? Она приложила бутылку к щеке и лукаво блестела глазами.

— Да, — обиженно пробормотал старик, — это для воды... Когда-то их было много... У каждого человека была своя бутылка!.. Даже дети играли ими. Там... — он махнул рукою куда-то в сторону, — их находили в земле целыми кучами... В некоторых даже была еще вода, от которой все делались веселыми, а потом дрались... Это стекло!.. Как же, я помню!

— Ты все помнишь! — в третий раз, с досадой, перебил мужчина.

А женщина, как ребенок с игрушкой, все еще возилась с бутылкой, то глядя сквозь нее на огонь, то далеко отводя ее в гибкой и тонкой руке, чтобы полюбоваться зелеными искорками, вспыхивавшими в темном стекле. В ее движениях была бессознательная грация кошки. Собака, привлеченная ее смехом, подошла и тихо лизнула ее в щеку. Женщина засмеялась и кокетливо прижала щеку к плечу, точно ей стало щекотно... Между тем мужчина опять поднял брошенный сверток и стал его разглядывать.

— Вот, если ты все знаешь, — сказал он старику насмешливым тоном, — так скажи, что это такое?

Старик взял тетрадь и долго смотрел на нее тусклыми глазами, в которых уже умирала жизнь.

— Бумага, да... — пробормотал он, — прежде ее было много... в нее завертывали разные вещи.

Молодая женщина быстро опустила бутылку и с любопытством уставилась на бумагу.

— Какие вещи? — спросила она. Старик промолчал, задумчиво глядя на толстую тетрадь.

— На ней писали, я знаю... в мое время еще находились люди, которые умели разбирать эти знаки...

— Ну? — нетерпеливо перебил мужчина.

— Не помню! — уныло закончил старик.

— Не помнишь? — с торжеством подхватил мужчина и вырвал у него тетрадь. — Старый болтун!.. Ты все лжешь и ничего не знаешь!..

— Нет, знаю... прежде, когда-то...

— Когда-то, когда-то!.. — с раздражением крикнул мужчина и с силой швырнул тетрадь в огонь.

Искры золотым фонтаном полетели во все стороны. Огонь взметнулся и припал к земле. Все потемнело вокруг. Но вот листы тетради тихо зашевелились и стали медленно разворачиваться, точно корчась от боли. Потом края ее потемнели, синенький огонек робко лизнул их раз, другой и вдруг вспыхнул веселым, легким и ярким пламенем. Выступили из мрака странно-зеленые лохматые лапы елей и ближайšie стволы, за которыми спряталась

черная тьма.

Молодая женщина радостно захлопала в ладоши.

— Ах, как красиво! — воскликнула она.

Листы быстро разворачивались и загорались один за другим. Яркое пламя танцевало над ними, а по мере того, как сгорали, чернели и распадались листы, черные знаки на них перебегали золотыми искорками.

Все сидели молча и смотрели. Даже ребенок проснулся и, высунув из лохмотьев матери свое худенькое грязное личико, сквозь спутанные волосы внимательно смотрел на огонь. У этого ребенка были такие же черные, миндалевидные глаза, как у матери, но волосы отливали золотом.

Наконец вспыхнул последний огонек и погас. Только по кучке черного пепла еще перебегали живые, золотые искорки, намечая какие-то давно забытые, таинственные знаки.

Мужчина тронул эту кучку палкой, и она рассыпалась легкой белой золой.

Старик долго смотрел на золу, потом вздохнул и сказал, с выражением тупой и покорной безнадежности:

— Забыл, — все забыл!..

Ребенок посмотрел на него, потом повернулся к матери и бледными, грязными ручонками стал нетерпеливо рыться в ее лохмотьях, издавая слабый, но настоящий писк. Молодая женщина улыбнулась и обнажила перед ним свою округлую, нежную грудь. Ребенок жадно вцепился в нее грязными пальчиками, припал слюнявым ротиком, зачмокал и блаженно затих.

II

СГОРЕВШАЯ РУКОПИСЬ

«Вот уже больше года, как мы совершенно отрезаны и живем нелепыми слухами, непостижимо возникающими в нашем оторванном от всего мира лагере.

Последнее радио, полученное нашей станцией из Ипсвича, было уже давно. Из этой короткой и оборванной телеграммы мы узнали, что последний оплот контрреволюции пал, и после сорокадневного кровавого боя на улицах Лондона, на три четверти разрушенного, в Англии поднялся красный флаг.

Трудно описать восторг, охвативший нас при этом известии! Отчаянная, хотя совершенно бессмысленная, заранее обреченная на неудачу, защита буржуазии, доведя мир до страшной катастрофы, сломлена окончательно, и победному шествию великой социальной революции отныне нет больше преград.

Я никогда не забуду эту кучку людей с обнаженными головами и лицами, горящими энтузиазмом, столпившихся на холме у высокой мачты радиотелеграфа. Над нами было свободное небо, перед нами — вольная ширь океана, и ветер, подхватывая могучие звуки интернационального гимна, уносил их вдаль, туда, где наши братья, в дыму и огне последнего восстания, заканчивали великое дело.

Горькое, но и горделивое чувство рождалось в душе при виде этих людей, голодных, больных и измученных бесконечной борьбой, со всех сторон окруженных врагами и, быть может, обреченных на гибель. Даже и теперь, перед лицом смерти, на развалинах мира, они были верны своей идее и способны слиться в общем порыве, забывая о собственной участи, торжествуя победу, плодов которой им не суждено видеть.

Да, мы погибнем, но на наше место придут другие, такие же самоотверженные бойцы и на костях наших достроят великое здание свободы и счастья человечества!.. Там, на праздничном пиру новой жизни, быть может, свободное и счастливое человечество теплым словом помянет нас, погибших за его счастье.

Ах, если бы знать! Если бы хоть на одно мгновение увидеть их, этих граждан будущего мира!..

Но мы погибаем!.. Ужас нашего положения в том, что перед нами нет определенного, организованного противника: мы окружены врагом безликим и стихийным, с которым не возможны ни война, ни мир... Только взаимное истребление, бессмысленное и беспощадное!.. Ведь в конце концов они даже не понимают, кто мы и ради чего боремся. У нас есть оружие, у нас сохранились остатки продовольствия, вот и вся причина их непримиримой ненависти. Иногда мне кажется, что их больше всего привлекает наше большое красное знамя, все еще гордо развевающееся над вершиной холма. Оно так красиво, а они — не более как дикари.

Да, эти люди, в которых, по остаткам одежды, еще можно узнать бывших крестьян, священников, солдат и буржуа, превратились в голодных свирепых дикарей. Как скоро и с какой непостижимой легкостью слетела маска культуры и цивилизации!

Почти сто лет тому назад, когда великая русская революция погибла, благодаря оппортунизму своих вождей, позорно пошедших на уступки мировому капиталу, мир охватила свирепая и беспощадная реакция. Начало положила Италия, которая передала власть в руки самых черных реакционеров. Коммунистов преследовали, как диких зверей, наполняя тюрьмы рабочими и крестьянами, украшая виселицы трупами их самоотверженных вождей. Это было ужасное время, когда казалось, что заря свободы, уже загоревшаяся на Востоке, померкла навсегда.

Но это только казалось! Среди казней и пыток, в тюрьмах и подпольях жила все та же светлая идея, зрела воля к победе. Как грозные волны, росли ряды нашей партии, и мы победили.

Восстал наконец могучий, охваченный энтузиазмом пролетариат всего мира. Ему нечего было терять, кроме своих цепей, а перед ним лежал весь мир, переполненный богатствами, накопленными в течение столетий жадной и трудолюбивой буржуазией. Одну за другой, страны Европы охватила революционная волна, все сметая на своем пути. Последние троны рушились среди пламени восстаний, и, наконец, рухнул, покрывая всю землю обломками, самый страшный трон — кровавый трон капитала.

К сожалению, чем шире разливалось победное пламя революции, тем ожесточеннее и беспощаднее становилось сопротивление буржуазии. Если в свое время в России она была испугана и почти без борьбы сдала все свои позиции, то по мере того как революция охватывала страны с все большей культурой, сопротивление росло и принимало характер организованной войны. Уже в Германии буржуазия не дала захватить себя врасплох и защищалась, как зверь.

Чем культурнее была буржуазия, тем легче она организовалась, тем решительнее боролась за свои богатства.

Пятьдесят лет реакции не усыпили ее бдительности. Опыт русской революции не прошел даром: о ней уже не могли забыть никогда. Отныне в мире шли два параллельных процесса: пролетариат организовался для нападения, буржуазия организовалась для защиты. И когда гроза разразилась, мы натолкнулись на железную организацию, на спаянную силу. Буржуазия поняла, что не остается ничего, что борьба должна кончиться гибелью того или другого класса. Она сделала огромные запасы оружия, она обучила свою молодежь военному искусству, дисциплинировала и тренировала ее, подготовила смелых и опытных вождей. Чем ближе было ее поражение, тем ожесточеннее она боролась. С обеих сторон бросали в бой все новые и новые силы. Во всех уголках мира шла кровавая и беспощадная война. Мужчины, женщины и дети — все шли в ряды сражающихся, под то или другое знамя, и погибали, миллионами трупов покрывая поля и улицы городов. Ни один рабочий не остался у станка, если этот станок не работал на оборону.

Казалось, что борьба достигла своего апогея, когда среди развалин других стран она закипела наконец в Англии. Английская буржуазия, железно организованная, хладнокровная и решительная, кровью отстаивала каждую пядь своих позиций. Но когда на сцену выступила Америка, вся предыдущая бойня померкла перед тем ужасом, который внесла в борьбу эта с ног до головы вооруженная железная земля.

Тщетно наши вожди старались наладить строительство новой жизни среди хаоса обломков старого мира, воздвигая здание новой, пролетарской культуры. Со всех сторон вспыхивали новые пожары, и в их пламени исчезали все самоотверженные усилия строителей. В конце концов все было заброшено, и весь мир превратился в арену кровавой войны.

Когда орды чернокожих, организованных на деньги американских миллиардеров и руководимых реакционным офицерством всех национальностей, хлынули в Европу, а остатки федеративной армии рассеялись перед их свирепым напором, мы еще видели обработанные поля, благоустроенные фермы, женщин с молитвенниками в руках, детей, играющих на пороге своих жилищ, крестьян, часто под перекрестным огнем упорно и тупо обрабатывающих свои пашни. Правда, фабрики и заводы чернели выбитыми окнами, мосты были взорваны, пути разрушены и исковерканы артиллерийскими снарядами, но жизнь все-таки шла своим путем: люди работали, во что-то верили, на что-то надеялись, чего-то ждали, крепко цепляясь за жалкие остатки своей старой культуры.

Как странно теперь вспомнить, что даже перед лицом надвигавшейся с юга общей опасности междоусобная борьба продолжалась с прежней силой. Поминутно вспыхивали заговоры, подавляемые беспощадным террором, и, сдерживая бешеный натиск южан, мы в то же время беспощадно уничтожали друг друга. Шел вечный партийный разлад и отдельные части нашей армии, забывая об общем враге, сражались между собою.

Неизбежное в этой мировой борьбе разрушение всех культурных ценностей, разорение и голод возбуждали упреки в ошибках, вражду среди вождей, непримиримую ненависть среди различных тактических течений. Образовалось множество отдельных, враждебных друг другу армий, которые носили названия красных, синих, зеленых, белых, желтых. Из их числа большая половина состояла из социалистических партий. Они равно называли себя социалистами, и все истребляли друг друга, как лютых врагов, хотя все это были те же рабочие и крестьяне. Они не всегда различались даже цветом своих знамен, и часто над двумя сражающимися группами развевался тот же красный флаг.

Лозунги, брошенные в массы для того, чтобы поднять на борьбу некультурные слои, пришлись по вкусу и вошли в плоть и кровь низов общества. Когда они ограбили буржуазию, когда награбленные богатства, которыми они не умели пользоваться, были без пользы и следа растоптаны ногами озверелых толп, они принялись грабить друг друга. Ужасную роль играло крестьянство всех стран, эти жадные и тупые собственники, которые жаждали одного: чтобы им дали спокойно переварить захваченное. В это боевое время ни одно

правительство, которых возникали тысячи, не могло дать покоя и обеспеченности, и крестьяне массами восставали, перекидываясь из лагеря в лагерь, куда влекла их жажда грабежа и обогащения.

При таком хаосе, среди общего стихийного безумия, южанам ничего не стоило бы уничтожить нас всех, свести на нет все революционные завоевания и водрузить над окровавленным миром то же старое знамя капитала. Но они сами разлагались с непостижимой быстротой.

Черные войска под командой палача Джемса сейчас же превратились в нестройные банды грабителей и мародеров, как только ворвались в улицы европейских городов. Никакая сила не могла удержать в порядке этих дикарей, ошалевших при виде неисчерпаемых богатств, накопленных тысячелетней культурой. Страсть негров к белым женщинам тоже сыграла свою роль, а разграбленные винные заводы уничтожили последние остатки дисциплины. Дело довершила демагогия анархистов.

Не прошло и года, как Джемс, провозгласивший себя диктатором Европы, был расстрелян в Париже зулусскими стрелками и черные толпы, словно прорвав какую-то невидимую плотину, хлынули по всем европейским дорогам, все уничтожая на пути и яростно сражаясь со всякой организованной силой, которая пыталась положить конец их дикому нашествию.

В это время наконец исполнилось то, о чем уже столько столетий твердили вдумчивые люди: желтая опасность, которая спала перед могущественной Европой, закованной в сталь своих регулярных армий, проснулась от дыма пожаров и грома разрушений. Зашевелился темный и страшный восток, и неисчислимые толпы китайцев хлынули в несчастную Россию, заливая ее кровью.

Все гибло. Города пылали, поля покрылись обломками и заросли сорными травами, фабрики и заводы, на которых никто не работал, разрушились, железные дороги остановились. Треск огня и выстрелов заглушили последние гудки заводов и свистки паровозов. Жизнь остановилась, и начался голод, сопровождаемый невиданными эпидемиями.

Тогда всеобщее одичание пошло гигантскими шагами. Скоро были уничтожены последние запасы, и люди стали жить тем, что отнимали друг у друга. Только тогда мы увидели, как непрочен лак цивилизации и какой страшный зверь таился под маской культурного человечества. Достаточно было голоду наложить на них свою костлявую руку, как самые просвещенные европейцы мгновенно превратились в грязных, жестоких и жадных дикарей.

Их огромные, голодные толпы следовали по пятам за нашей отступающей армией, уничтожая мелкие отряды, беспощадно грабя и убивая отсталых. Армия мировой коммуны, одержавшая столько побед в борьбе с организованным врагом, начала быстро таять. Еще немного — и она сама на три четверти обратилась в дезорганизованные кучки бандитов, которые заботились только о себе.

Была сделана последняя попытка найти общий фронт, и в Швейцарии была собрана конференция всех социалистических партий. Это не привело к желанным результатам, так как никто не хотел уступить ни единой буквы из своей программы. Здесь были жалкие трусы, которые, указывая на гибель культуры и окончательную катастрофу, угрожавшую человечеству, требовали отказа от борьбы и примирения. Большинство готово было идти на компромиссы, и только коммунисты настаивали на продолжении борьбы во что бы то ни стало. Военные действия возобновились.

Отряд, в котором я находился, при выступлении из Парижа насчитывал до сорока тысяч человек, снабженных превосходной артиллерией, авиационным парком и продовольствием. Но после восстания предателей Каро и Швабе нас осталось не более пяти тысяч, из которых к берегам океана прибыло всего тысяча триста пятнадцать человек, включая женщин.

И вот уже несколько месяцев, как, окопавшись на склонах холмов вблизи развалин Беневана, мы отбиваемся от озверелых банд грабителей, руководимых только желанием воспользоваться нашим оружием и запасами.

Ночью мы живем среди притаившихся ужасов. Наши часовые, падая от усталости, ни на минуту не выпускают оружия из рук, зорко вглядываясь в зловещую тьму, полную теней и шорохов. Днем мы видим, как мелькают в кустах какие-то странные существа со всклокоченными волосами, босые, покрытые лохмотьями и грязью. Они издали смотрят на нас голодными, жадными глазами, разбегаясь при первом выстреле.

В сущности говоря, они бессильны и трусливы, как шакалы. Нам ничего не стоило бы пройти по их трупам, несмотря на их численное превосходство. Но нам некуда идти, потому что весь мир лежит в развалинах. Они же никогда не отваживаются на открытое нападение, предпочитая убивать из-за угла.

И это всего ужаснее, потому что, невзирая ни на какие предосторожности, отряд наш тает и тает... У нас нет хорошей воды, и запасы продовольствия нуждаются в пополнении, что и вынуждает нас высылать небольшие отряды. Кроме того, как это ни странно, в отряде, отрезанном сплошным кольцом смерти, у нас не прекращается дезертирство. Люди бегут, сами не зная куда, с единой смутной надеждой — добраться до какого-нибудь культурного центра.

В большинстве случаев мы скоро находим их голые и страшно обезображенные трупы, — по стаям ворон, с криком вьющихся над кустами.

Если никто не придет нам на помощь, мы погибли!

Неужели весь мир обратился в развалины?

Я болен и, вероятно, скоро умру. Мне не придется дожить до тех пор, когда...»

III

СНАЧАЛА

Тьма отступила в чащу леса, а вверху, меж лохматых ветвей ели, показалось бледное небо.

Старик, рыжий мужчина и женщина с ребенком спали, закутавшись в свои лохмотья. Спала и собака, свернувшись клубком на сырой земле. Только старуха сидела у костра, превратившегося в кучку углей, подернутых седой золой. Старуха смотрела на эту золу, сама такая же седая, как и та. Тусклые глаза старухи были неподвижны, и не было в них иного выражения, кроме тупой и бесконечной усталости. Порою она жевала беззубым ртом и качала головой. В бледном сумраке утра среди недвижной тишины леса казалось, что над головой старухи незримо вставала сама скорбь, навевая на ее седую голову темные тысячелетние мысли, и они ползли, одна за другою, безнадежные и покорные, без конца и начала, как жизнь.

Первым проснулся старик, кряхтя и брюзжа, жадными глазами шаря кругом в поисках пищи. Потом встал мужчина, выпрямился, оглядел чащу леса и, взяв свою дубину, ушел, тяжело шагая по мокрой росистой траве. И уже ярко светило солнце, когда молодая черноволосая женщина, смеясь и играя, шла по лесу. В одной руке она несла драгоценную бутылку, другой вела за ручку своего ребенка, с трудом перебиравшего кургузыми лапками по жесткой хвое, пересыпанной твердыми, круглыми шишками.

Лес уже проснулся и тысячами голосов откликнулся на звонкий смех женщины. Где-то стукнула кукушка, торопливо задолбил дятел, свистнула иволга, бойко жужжа, как пуля, пролетел над головой зеленый жук. На полянах трещали кузнечики и, то влетая, то ныряя, легко порхали светлые бабочки. Вверху, над вершинами леса, отрывисто крикнул ястреб.

Женщина стояла вся с ног до головы залитая солнцем, на берегу ручья, настойчиво и звонко звеневшего среди горячих, гладких камней. Легкий ветер шевелил — спутанные черные волосы женщины и лохмотья ее короткой юбки. Она посмотрела направо и налево, поворачивая голову, как птица, и при каждом ее движении среди лохмотьев сверкало ее бело-розовое тело-то выпуклая линия бедра, то мягкий изгиб стана, то округленное розовеющее колено.

Рыжий мальчик бегал в траве по берегу ручья, пугая зеленых лягушек. Они тарасили глупые выпуклые глазки, пыжились, топорщились и вдруг звонко бултыхались в воду, изо всех сил работая лапками, чтобы зарыться в мягкий, безопасный ил. Ребенок смеялся.

Женщина опустилась на колено и склонилась над ручьем. Ее черные волосы упали вниз, почти коснувшись воды, а в воде отразилась другая, молодая, черноволосая женщина, с большими глазами и смеющимися алыми губами. Эта другая смотрела снизу на свою живую подругу с восхищением и улыбкой.

Что-то хрустнуло в кустах... Женщина быстро оглянулась, но там ничего не было. Должно быть, обломилась сухая ветка. На противоположном берегу камыш важно и спокойно покачивал высокими метелками. Она успокоилась, еще немного полюбовалась своим отражением и опустила бутылку глубоко в чистую холодную воду. Широкие круги пошли далеко от берега и закачали, раздробили в своей глубине и зеленый камыш, и голубое небо, и смеющуюся женщину. Зазвенела и забулькала вода, набираясь в узкое горлышко бутылки.

Тогда из кустов показалась человеческая, голова.

Это была голова мужчины с низким лбом, далеко выдающейся нижней челюстью и гладкими, бесцветными волосами. Он жадно смотрел на бутылку, как бы пораженный видом этой необычайной драгоценности. Сквозь сетку зеленых ветвей видны были только широкие плечи и мускулистые руки, судорожно вцепившиеся в землю пальцами. Потом кусты раздвинулись, и выползло длинное, как змея, почти голое тело, покрытое больше грязью, чем одеждой. Человек неслышно вытянулся над землей и, крадучись, шагнул вперед, не спуская глаз с женщины и бутылки, которая, очевидно, неудержимо привлекала его.

Вдруг испуганно крикнул ребенок. Женщина обернулась и мгновенно очутилась на ногах. Бутылка, которую она выпустила из рук, как камень, пошла ко дну.

Одним скачком мужчина очутился на берегу и, став на четвереньки, погрузил руки в воду. Но когда он шарил на дне, женщина схватила его за плечи, стараясь своими гибкими руками оттащить его прочь.

Борьба была неравна. Мужчина легко оттолкнул ее, и женщина упала в траву, а в следующее мгновение в его поднятой руке, высоко на солнце, заблестела мокрая, еще полная воды бутылка.

Изогнувшись, как кошка, женщина бросилась на эту руку и всей тяжестью своего тела повисла на ней. Теперь их лица были близки, и мужчина почувствовал жар ее дыхания и запах ее волос. Он взглянул на нее сверху, и глаза его жадно скользнули по линиям ее тела, напряженным и обнажившимся в борьбе.

Глубокое и хриплое ворчание, ворчание довольного зверя вылетело из его горла. Бутылка перевернулась в воздухе и покатила по земле, обдавая зеленую траву струей прозрачной

воды, блещущей на солнце.

И женщина мгновенно поняла это зловещее рычание. Она вздрогнула и метнулась прочь, но было уже поздно, и длинные сильные руки схватили ее поперек тела. Тогда началась борьба: она изгибалась во все стороны, вырываясь и царапая его лицо ногтями; ее волосы вились и путались вокруг их голов; она молчала, он хрипел, и на губах его выступила слюнная пена; их ноги скользили в мокрой траве. Ребенок пронзительно кричал в стороне, дрожа всем телом.

Наконец он повалил ее на траву и старался овладеть ею, навалившись на нее всем телом. Глаза у нее были закрыты, губы сжаты.

Она слабела, задыхаясь, бледнея, как смерть.

Тогда раздался дикий и страшный крик: рыжий человек, размахивая тяжелой дубиной и прыгая через кусты, бежал к ним по поляне. Его зверское, багровое лицо страшно от ярости. И он рычал, как зверь.

Белоголовый услышал этот крик, оглянулся и в то же мгновение был на ногах. Одним взглядом он оценил врага и бросился в кусты.

Рыжий издал торжествующий клик, но белоголовый и не думал бежать: в один момент он снова очутился на поляне, и враги уже стояли друг против друга, втянув головы в плечи и твердо упершись ногами в землю. Лица их были яростны, глаза сверкали, зубы страстно блестели под судорожно искаженными губами. В руках белоголового тоже была дубина.

Но это была какая-то странная дубина: совершенно прямая, гладкая и круглая, гораздо короче, и тоньше дубины рыжего, но когда белоголовый в ярости ударял ею о землю, она гудела тяжело и звонко.

Женщина стояла невдалеке, под деревом, прижав к груди драгоценную бутылку, а к коленям — испуганного ребенка, прячущегося в лохмотьях ее юбки. Она смотрела на мужчин, и ноздри ее тихо раздувались.

Рыжий шевельнулся и тихо, точно крадучись, стал осторожно обходить своего противника. Белоголовый так же медленно поворачивался на месте, не упуская из виду ни одного движения врага. Так они описали несколько кругов, не решаясь броситься друг на друга. Слышно было их тяжелое дыхание.

Вдруг рыжий коротко взвизгнул, подскочил и, перехватив дубину обеими руками, нанес страшный и неотразимый удар.

Радостный крик женщины был ответом. Белоголовый упал на колени, как бык, пораженный обухом, но в тот же миг вскочил и ударил в свою очередь. Это был неверный слабый удар ошеломленного человека, но прозвучал он глухо и тяжело. Дубина едва не выпала из рук рыжего, и он отскочил, ухватившись за бок, с тихим стоном боли и испуга. Однако он сейчас же оправился и снова, так же крадучись, стал подходить к своему врагу.

Они опять закружились по траве, зорко следя друг за другом. Затем ринулись в схватку с еще большей яростью. Несмотря на боль, рыжий был, слишком очевидно, сильнее и ловчее своего противника. Его удары сыпались, как град, и белоголовый не успевал увертываться, бестолково размахивая своей короткой дубинкой. Рыжий участил нападения и уже торжествуя рычал сквозь зубы, окрашенные кровавой пеной.

Белоголовый, видимо, терялся, слабел и отступал. Он уже не думал о нападении и в искаженных чертах его побледневшего лица ясно проступали страх и отчаяние. Победа рыжего была очевидна, и это ярко отражалось на лице молодой женщины, которая, затаив

дыхание, следила за каждым движением борцов.

Вдруг раздался тот же глухой и тяжкий удар. Рыжий болезненно ахнул, качнулся, сделал несколько колеблющихся шагов куда-то в сторону и тяжело ткнулся головой в траву. Его страшная дубина далеко запрыгала по земле. Судорожно разинутым ртом он хватал воздух, глаза у него выпучились из орбит, полные ужаса и страдания. Он делал странные движения, точно давился чем-то, и вдруг черная густая струя крови хлынула на его рыжую бороду.

Женщина стояла, вся наклонившись вперед, вытянув шею, бледная с широко открытыми глазами и высоко поднимавшейся грудью. Ребенок жался к ее коленям, но она не замечала его. Глаза его горели восторгом.

И вдруг рыжий вскочил, испуганно взглянул на своего противника, подходившего с высоко поднятой дубиной, согнулся и бросился бежать. Голова его ушла в плечи, спина была согнута, руки плотно прижаты к бокам. Он был жалок и смешон, когда, споткнувшись, упал на руки и, прежде чем вскочить и побежать еще быстрее, несколько шагов торопливо прополз на четвереньках.

Белоголовый погнался за ним, но внезапно остановился и с торжеством огляделся вокруг. Его глаза упали на женщину и встретились с ее глазами. С минуту он глядел на нее с торжеством и властью, потом спокойно и твердо подошел к ней.

Женщина сжалась под его огненным взглядом. Легкая краска покрыла ее щеки, и глаза ее, не то стыдливо, не то кокетливо, опустились. Бутылка выпала из ее рук. Она слегка отвернулась, когда он подходил, но не сделала попытки спастись бегством, и во всей позе ее были покорность и безволие. А когда он грубо взял ее за шею, она сама опустилась на землю.

А рыжий бежал все дальше, хрипя и задыхаясь. Когда он наконец остановился и оглянулся, кругом были только лес да тишина. Он прислушался, но ни одного звука не долетело до него с места так позорно покинутого боя. Один только раз что-то послышалось ему: был ли это отдаленный смех женщины или зазвенело у него в ушах?.. Он сел на землю, охватил колени руками и положил на них голову.

Темные, дикие мысли вихрем неслись у него в голове, наполняя его душу злобой и отчаянием. Его дикий, грубый мозг не мог охватить всего случившегося. Неопровержимым инстинктом опытного бойца он знал, что противник был слабее и трусливее его, а между тем тот победил, а он бежал. Бежал разбитый и парализованный страхом, далекий от мысли о каком бы то ни было сопротивлении. Он чувствовал себя бессильным перед этим жалким противником, о котором в другое время он говорил бы у костра с усмешкой торжества и презрения. А теперь этот враг отнял у него жену и его драгоценность — большую зеленую бутылку, которая так хороша для воды и находкой которой он так гордился. В отчаянии он крепко сжимал колени и глубже прятал в них свое лицо.

Теперь враг владеет его женой и пьет из его бутылки... А жена?.. Он судорожно повел широкими плечами: ведь он побит и бежал!

Но почему же он оказался побежденным?

Смутное сознание медленно прояснялось. Вся причина его поражения была в этой странной, короткой и тонкой дубинке, такой никчемной и неопасной на вид. Он вспомнил, как легко отскакивала его тяжелая дубина при встречах с этой игрушкой; вспомнил тот удар, от которого у него захватило дух и вырвало землю из-под ног. Да, если бы эта дубинка была в его руках, белоголовый лежал бы теперь на траве с раскрытым черепом и раздробленной грудью.

Так он просидел до вечера, не двигаясь, а лесные жучки безбоязненно ползали по его

горячему, липкому телу. В ветвях, над его головой, копошились безгласные синички.

Он очнулся только тогда, когда косые лучи заходящего солнца золотыми пятнами протянулись по зеленой траве. В воздухе потянуло вечерней прохладой. Тогда он встал и пошел. Выражение тупого, покорного отчаяния еще не сошло с его лица, но в глазах светилась какая-то затаенная новая мысль.

Он вышел из леса один, среди вечерней тишины, и, освещенный заходящим солнцем, поднялся на высокую насыпь, откуда были видны море и песчаные бугры берега.

Если бы кто-нибудь следил за ним, то видел бы, как после долгих и тщетных усилий, сопровождаемых треском ломающегося дерева, человек, вдруг поднялся во весь рост на вершине насыпи и громким торжествующим криком огласил окрестности.

Его глаза горели, а в руках была длинная тяжелая полоса, отливавшая в последних лучах солнца металлическим блеском.

Москва, 1919